

2

Шарик надут, надут, надут,
шарик по небу плывет, плывет.
Дух перевесть...
Но вот тут, вот тут,
тут оно и придет.

То есть — они, то есть — он, она,
хромоножки-заморыши, карлики-горбуны,
с недосыпу, с холоду, с бодуна,
и с лица страшны, а уж со спины...

Топчутся, кукожатся и корячатся,
странный дух от них идет — керосиновый,
и протягивают мне странные тряпочки:
красные, зеленые, синие.

— *Мамочка! Шарик!*

Раннее утро — белое-белое.
Ночью по небу прожектор шарит.
Что я делаю?
Ничего не делаю.
Я надуваю шарик.

3

Шарик по небу плывет, плывет,
шариков — целый воздушный флот,
розовый, красный и голубой,
авиапраздник — мой и не мой.
Шарики — целый воздушный флот.
Они — все выше, а я — все ниже.
Эти бы шарики — в переплет.
Ах, какие бы это были книжки,
какие книжки!

А хорошо бы смерти не бояться...

Есть некое успокоенье в том,
Что я как будто написал немало,
Что я трудился тягостным трудом,
Хоть и остался там же, у начала.

Есть некое успокоенье в том,
Что ощущал я колдовские фразы
И застывал в предчувствии пустом,
Откладывая поиск раз от разу.

Есть некое успокоенье в том,
Что смерть прервет бесплоднейшую зрелость,
Как будто бы я мог достичь потом
И большего — да просто не успелось.

“Вотще украденная тень...”
В. Набоков

Мы собирались уходить с работы,
И сослуживец подошел ко мне,
Сказал и улыбнулся: “Отчего-то
Полночи видел я тебя во сне”.

Он улыбнулся вновь. И попрощался,
Дабы впервые ощутить я смог,
Что в чьей-то жизни накрепко остался
И чей-то путь случайно пересек,

А хорошо бы смерти не бояться,
Бесстрашием укывшись, как щитом,
Чтоб над монаршей глупостью смеяться,
Не став шутом.

А хорошо бы смерти не бояться,
Чтоб истину открыто говорить
И после от нее не отречься, —
Лишь повторить.

А хорошо бы смерти не бояться,
Чтобы отвага эта помогла,
Коль суждено мне без любви остаться
И ремесла.

А хорошо бы смерти не бояться,
Чтоб в горький и неотвратимый срок
Ни в тягость я не смог бы оказаться,
Ни одинок.

Вовек не отступать, не унижаться,
И с сердца был бы сброшен тяжкий груз...
Какое счастье — смерти не бояться,
Но я боюсь.

Когда, покинув скорбный отчий край,
В другом краю найдешь успех и золото,
Своей земле обиды не прощай —
Там горько многим, как тебе когда-то.

Твоя беда рассеялась как дым,
Но средь чужого горя и печали
Бесстыдным снисхождением своим
Заслужишь уважение едва ли.

В храме толпится народ.
Скамьи без спинок.
Это не месса идет,
А — поединок.

Господи, милуй его.
В строчках тревожных
Он не судил божество,
Славя безбожных.

Есть между вами родство,
В благодной сини,
Господи, милуй его
Словом лагыни.

Жизнь и смерть увязав
Нитью одною,
Он не отверг небеса,
Вникнув в земное.

Под перекрестным огнем
Чувства и веры
Вдруг зарождается в нем
Суть канцоньере,

Так он, отбросив, презрел
Цепи приличий.
Просто стоял и смотрел
На Беатриче.

Маме

Да приснятся вам легкие сны!
Что над вами уже не вольны
Ни корысть, ни жестокость, ни злоба,
Что на золоте высшая проба
Не имеет отныне цены...

Да приснятся вам легкие сны!
Что теперь — ни греха, ни вины
Нет за вами; расправлены плечи,
И слышны лишь правдивые речи,
А другие — совсем не слышны...

Да приснятся вам легкие сны!
Что года не напрасно даны,
Не уходят водою меж пальцев,
А иглой по окружности пальцев
Вышивают узор новизны...

Да приснятся вам легкие сны!
Что решения ваши трудны
И суждения ваши не скоры,
Но глупы и пусты приговоры,
Даже если стократно верны...

Да приснятся вам легкие сны!
Что границы еще не видны,
А пророчества вовсе не строги,
И огромного мира дороги
В вашу краткую жизнь вплетены...

Да приснятся вам легкие сны!
Что над крышами отсвет луны
Пробивает полночную сажу,
И Судьба опускает поклажу
С утомившейся за день спины...

Да приснятся вам легкие сны!..

Хайфа

Свиток

Борис Херсонский — поэт, эссеист и переводчик, автор нескольких поэтических книг. Стихи Бориса Херсонского публиковались в России, США, Финляндии, Германии, Израиле, переводились на финский и английский языки. В течение многих лет Борис Херсонский переводит библейские и "околобиблейские" поэтические тексты. Были опубликованы две книги "Книга хвалений"(1994) и "Поэзия на рубеже двух заветов" (1996), в альманахе "Богомыслие" (1998) публиковался перевод библейской книги Екклесиаста. Недавно вышедший в Одессе сборник "Свиток" продолжает эту тему. Книга состоит из двух частей. Первая — переводы избранных гимнов (псалмов) кумранской общины, эссе, радикальной иудейской секты, удалившейся от мира в пустыню. Вторая — стихотворения автора, в которых он пытается реконструировать тот мир, из которого бежали эссеи.

Предлагаем вниманию читателей начальные фрагменты этой книги.

Фрагменты — 1

Голос пресекается... Камень... Милость Твоя...
Будет сокрушено... Безответно... Бессмысленно...
Свет невечерний... Для меня...
Соберутся звери и птицы...
С детьми Адама, сообразно влечению их сердец...
Впереди — разрушение... огонь и уничтожение...
И... не... люди, собственность их...
Есть ли у вас сила ответить Ему,
и что вообще осталось...

**Это несколько звуков,
верней, заунывная песня,
это строки не слева направо,
а справа налево.
Это слово, сухое и ломкое,
словно опреснок,
и поющий в седьмом поколенье
не помнит напева.**

**Он, однако, пытается петь,
ожидая подсказки,
изнутри, или свьше,
безмолвие — тоже сгодится.
Но повсюду — галдеж, толкотня.**